

Григорий Паровичников

Ветер идет за светом

12+

Григорий Андреевич Паровичников

Ветер идет за светом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64247271

SelfPub; 2021

Аннотация

Размышления о тахионной природе воображения, протоколах дальней космической связи и различных, зачастую непредсказуемых формах, которые может принимать человеческое общение.

Григорий Паровичников

Ветер идет за светом

«Главной и единственной проблемой общения является иллюзия того, что оно действительно произошло» – Джордж Бернард Шоу

Места, где уже ступала нога человека, всегда казались мне интереснее и намного загадочнее всей совокупности неизведанного. Само собой, я говорю не вполне о физическом присутствии: ведь достаточно только нашему воображению дотянуться, например, до Проксимы Центавра b, и уже что-то загадочное оживает в ее темноте, скрытой от наших глаз. Как опытный хищник оно крадется с подветренной стороны, проскользнув через пояс астероидов, притаившись за кольцами Сатурна. Я взглянул на Землю как будто со стороны. Меня почему-то совершенно не удивило, что она стала походить на кедровую шишку. Миг – и маленькая птичка, размером с Мадагаскар одним стремительным рывком вылетает из-за Луны и приземляется где-то в Евразии. Несколько движений клювом и с некоторым напряжением она вытаскивает с поверхности что-то очень маленькое, размером с орешек, поворачивается, замирает на долю секунды, не моргая смотрит на меня своими пустыми глазами, и снова взлетает, мгновенно теряясь в метеоритном дожде.

Я проснулся от стука по стеклу, привстал на кровати, и увидел как что-то яркое мелькнуло за окном, растворившись в листве. Без пятнадцати пять: можно спать целый час, но после кошмаров, в особенности настолько странных, бывает сложно уснуть. В телефоне была открыта вкладка недельной давности, которая все же снова заставила меня улыбнуться: «Астрономы обнаружили «Чайник Рассела»». В статье говорилось об астероиде, крутившемся по орбите между Землей и Марсом. Астероид был крошечным, состоял по большей части из алюминия и магния, а по форме напоминал античную амфору. Хорошо, что Рассел не предполагал, что мы сможем строить телескопы, способные увидеть больше чем допускала его фантазия в 50-х годах XX века. В противном случае, значения этому астероиду никто бы не придал. И тем интереснее становились вопросы касающиеся фантазии и актуальности той или иной информации с течением времени. В первую очередь когда это касалось Межзвездного Коммуникационного Протокола – МзКП – который стал ответом на довольно-таки нетривиальный вопрос дальней космической связи. Коммуникационный цикл с кораблями находящимися за пределами солнечной системы мог быть длиннее недель, месяцев или даже многих лет. В таких условиях нам по сути нужно заново учиться общаться друг с другом и делать это в совершенно иной форме. Иронично, что именно в то время, когда человечество догнало свет не только в скорости передачи информации, но и в ее лаконичности

(:)), возникла реальная необходимость возвращения полновесных и всеобъемлющих коммуникаций. «Эпистолярный жанр наносит ответный удар», как шутили гуманитарии из отряда. Смешно, правда?

Настроение во всем Центре с самого утра было веселым. На планерке выяснилось, что вчера ночью по неожиданным техническим причинам отключился магнитный замок на клетке ГМО-попугаев и стая пернатых разлетелась по всему Звездному Городку. Я с улыбкой подумал, что наверняка, это один из беглецов стучался ко мне в форточку с утра. Объявили о введении режима повышенной готовности, во время действия которого, всем кто собирается использовать любую технику размером больше попугая, требовалось соблюдать особую осторожность: кто знает, на что способна коварная птица, затаившаяся, например, в комнате управления центрифугой? Особенно взволнованной выглядела Сашенька, как мы ее звали, в миру доктор Алессандра Форесси – итальянский астронавт, самый молодой профессор биологии в Европе, умница, красавица и будущий бортовой врач нашей экспедиции. «Бедные rappagalli! Они не мочь жить в этот климат». Сашеньку кое-как успокоили, напомнив, что наши попугаи – особенные, да и отряд срочной орнитологической помощи уже мчался из Москвы.

На автобусе вместе с орнитологами, немного опаздывая на ожидаемую нами лекцию, приехал профессор Валерий Григорьевич Карнаухов – доктор философии, и прочия, и про-

чия – куратор учебной программы гуманитарных дисциплин нашего Центра Подготовки, и по сути – крестный отец любимого мной МзКП. Весьма забавную новость о сбежавших попугаях, с которой носился весь младший научный состав Городка, профессор встретил лишь поднятой правой бровью и пожатием плечей. Что, в общем не удивляло: всему нашему отряду уже давно стало ясно, что и лицо, и характер профессора флегматизировались еще в прошлых жизнях. Профессор зашел в класс, поздоровался со всеми, и с размеренностью настоящего педанта разложил свои бумаги. Затем медленно, чуточку шаркая, дошел до раковины, налил стакан воды и выпил его. Налил второй, обвел аудиторию спокойным взглядом, медленно вернулся за кафедру и начал занятие.

«...Мы и все будущие пользователи Межзвездного Коммуникационного Протокола должны уметь не только зафиксировать как можно больше объективной реальности: в этом нам поможет техника, но и суметь ухватить за хвост необъективные факторы, в том числе собственную интуицию, творчество, эмоциональные реакции и чувства! Использование МзКП требует не только точнейшей технической и лингвистической составляющей, но и беспрецедентного развития человеческого восприятия: все наши когнитивные функции должны быть развиты до предела объективных возможностей тела. Но мне бы хотелось, чтобы вы уделили особое внимание тому, что я считаю главным в вашей будущей деятельности – это синтезу. Не анализу, не раскладыванию фактов

на маленькие кучки и созерцанию этого всего – так делать умеет каждый. Вам нужно научиться собирать все, выделять главное, и потом уже принимать какие-либо решения. Вам безусловно, потребуется развивать умение не просто передавать информацию при помощи текста, видео или звука, а в некотором смысле создавать полноценные художественные произведения. И чем дальше вы окажетесь от Земли, тем объемнее и умнее – от английского слова smart – должны быть эти произведения. В сообщении, которого будут ждать четыре года, явно недостаточно сказать «красота-то какая», и даже привычные межпланетные минутные видео-сообщения которыми мы обмениваемся с нашими «марсианами», не подойдут и не смогут служить надежным средством передачи информации на большие расстояния». Профессор отпил немного воды, наклонил свой взгляд куда-то под кафедру и с удивлением поднял обе брови. Правда уже через несколько секунд, он, вновь оглядев аудиторию, вернулся к привычному внешнему безразличию, и продолжил.

«Можно сказать, что МзКП делают коммуникацию более похожей на искусство, историю и футурологию, в которых теряется любое подобие обычного человеческого общения. Как вам известно, один цикл обмена сообщениями с Альфа Центавра, звездой к которой вы скоро отправитесь, при текущих технологиях составит около восьми лет: по четыре в каждую сторону. К сожалению, исследования коммуникации с использованием квантовой запутанности пока что ни

к чему полезному и применимому на практике не привели; да и вряд ли приведут, думается мне. Так что вы, уважаемые космонавты, как бы то ни было, должны понимать, что станете глазами и ушами всего человечества, находясь на самом рубеже прогресса и познания. С некоторой задержкой, конечно, года этак в четыре». Он снова мельком заглянул под кафедру и удовлетворенный чем-то кивнул.

«На самом деле, идеальный вариант использования Межзвездного Коммуникационного Протокола предполагает передачу таких достоверных и всеобъемлющих данных, что на основании столь же точного и правильного их анализа, находящиеся на одном конце волны' смогут отправить ответное послание с информацией которая будет полезной и актуальной даже через восемь, или более лет для тех, кто сидит на другой стороне.

Мы все до недавнего времени спорили, ломали копья, можно ли считать этот процесс коммуникацией в принципе, или же за счет своей длительности он скорее переходит в разряд обмена историческими летописями.

Границу, после которой «общение» переходит в эту «другую форму» и перестает считаться таковым, назвали «Платоновский предел», в честь мифа о пещере. Все его знаете? Так вот за этим «пределом», длину которого с легкой подачи одного лысого профессора (тут улыбнулись все) установили ровно в одно поколение, то есть двадцать лет, адекватная коммуникация перестает быть возможной и превраща-

ется в нечто мифологическое и необъективное, как те самые тени на стенах пещеры. Ну, кто из вас пошутит про отцов и детей? Тургенева читали? Даже те из вас, кто не из России.

В общем-то к счастью для всех нас довольно близко к Солнцу находится около пятидесяти звезд и достаточное количество экзопланет, в разной степени пригодных для человеческого обитания. Поэтому преждевременные опасения потенциального сепаратизма будущих колоний, наблюдаемые у некоторых политиков и функционеров, отложены до худших времен. А нам с вами есть, что изучать. Я думаю, что нужно уже сейчас смело и гордо сказать, что все мы, настоящие и будущие, существующие в двадцати световых годах от Земли – одно космическое поколение». В этот момент, таившийся под кафедрой ГМО-попугай вылетел оттуда, удовлетворенно и одобрительно чирикнул профессору, заложил круг почета под потолком лектория, и довольный собой вылетел на улицу, не забыв предварительно нагадить кому-то в тетрадь.

Орнитологи, которых пригласили для избавления от попугаячей угрозы с задачей не справились, и чуть не сделали хуже. Самый сильный из них без каких-либо видимых усилий и ключа открыл, и тем самым сломал, магнитную дверь на клетке с самками роскошных горных попугаев, которых хотели использовать в качестве приманки. Администрация Городка, конечно же с благословением божьим в тот же день отправила неудачливых специалистов восвояси и,

наконец-то, занялась уже давно напрашивающимся ремонтом всех дверей, существующих в Центре. Инструкции о том как правильно вести себя с беглыми птицами еще две недели регулярно появлялись на всех информационных дисплеях, но в конечном итоге на ситуацию махнули рукой, здраво рассудив, что к зиме даже ГМО-попугаи, подчиняясь инстинктам, улетят на юг. К удивлению многих, упертые и неуловимые птицы играючи пережили зиму, прячась в невидимым людям гнездах. А весной, в последние месяцы перед нашим отлетом, весь воздух Звездного Городка наполнился тропическим щебетанием расплодившихся попугаев.

***

Наш корабль назвали по-русски: Мир – не столько в честь старой орбитальной станции, сколько в полном соответствии с представлением о принципах МзКП, то есть используя слово, которое несло в трех буквах больше содержательного и художественного смысла, чем аналогичные слова из других космических языков. Момент, к которому весь отряд готовился, без преувеличения, всю жизнь, настал довольно буднично: в понедельник

(эту шутку я, кстати, готовил заранее!). Провожать нас на космодром приехал весь Звездный Городок. Кто-то даже умудрился притащить с собой попугая в клетке. А профессор пообещал лично поддерживать с нами связь, по-крайней мере в пределах солнечной системы.

Я отчетливо помню, что с момента пуска не испытывал

никаких эмоций, пока не прекратился рев ракетного двигателя, и в абсолютной тишине, моментально захватившей корабль, не раздался смех команды. Весь экипаж Мира ринулся к иллюминаторам, прилипая к ним, и стараясь насмотреться на Землю, которую мы покидали навсегда. Забегая вперед скажу, что иллюминаторы потом действительно пришлось оттирать от отпечатков носов и щек.

Полетный план экспедиции подразумевал стыковку с Новой Международной Космической Станцией для проведения ряда экспериментов в открытом космосе, перед отправлением к станции Марс-1, и дальше – за пределы системы. К счастью с учетом значимости нашей миссии, мы могли позволить себе некоторое баловство, чем я и решил воспользоваться, чтобы осуществить одну свою давнюю мечту, а заодно и поделиться ей с остальными. На второй день нахождения на нМКС, я, полный нетерпеливого предвкушения, сообщил Земле, что «Мирыне» сегодня выходят в открытый космос полным составом.

Когда мы удобно закрепились на внешней обшивке станции, я передал общую команду о выключении всех световых приборов. Станция стремительно неслась вдоль-над Атлантическим океаном в крошечной тьме. Мы пролетели мимо Африки и когда Мыс Доброй Надежды остался позади, я попросил всех закрыть глаза, и скомандовал бортовому компьютеру поставить таймер ровно на две минуты. Можно ли сравнить пребывание в открытом космосе с сенсорной де-

привацией? Ах, если бы! Несмотря на то, что скафандры для каждого делали индивидуально, полностью обойти несовершенство человеческой природы было, наверное, невозможно. Один из слоев защиты неприятно натирал мне что-то в районе левой подмышки, которая, будучи сама по себе идеальной во всех смыслах, физически столкнулась с потолком мастерства изготовителей Скафандра. Поэтому вместо того, чтобы спокойно стоять в ожидании чуда, я ерзал, пытаюсь почесать натертость о внутреннюю складку скафандра. Еще не избавившись от земных привычек, я старался делать это максимально аккуратно и тихо, боясь помешать царившему вокруг безмолвию. Куда беспардоннее меня оказался бортовой компьютер, решивший дать обратный отсчет вслух.

«... One. Вееееер»

Я выдохнул и открыл глаза.

Мы летели в полярном сиянии. Это были не просто далекие огоньки, зеленые или красноватые одеяла, висящие в небе, какими они выглядят, если смотреть на них с земли. Нет – мы были прямо посреди всего этого буйства! Тонкие бестелесные ладони окутывали станцию и сцепленный с ней Мир призрачным покровом, сотканным из всевозможных сочетаний цветов и оттенков, которые никогда и нигде больше нам не встречались. Сияние раскинулось на тысячи миль во все стороны, мерцая мелкой рябью под упругим и настойчивым течением солнечного ветра. Движение огней смешивалось с движением станции, растворяя все в непости-

жимом по своей естественной красоте явлению. Сашенька, Алессандра летела рядом со мной, мы посмотрели друг на друга, взяли за руки и, в каком-то смысле, больше никогда их не отпускали.

Не удивительно, что именно этот момент – серфинг на авроре, стал для экспедиции реальным символом прощания с родной планетой.

Уже на следующее утро по гринвичскому времени, которое мы, к слову, унесли с собой в галактику, наш корабль отстыковался от нМКС. Но еще до того как мы развернули наш солнечный парус, поступило сообщение с Земли. Нас просили подобрать на борт тот самый загадочный «Чайник Рассела», потому что на основании дистанционных анализов, этот метеорит-уродец мог оказаться полым внутри, что было весьма уникальной характеристикой для любого космического тела, а следовательно представлявшей уже неподдельный научный интерес. Задача фактически неразрешимая ранее, сейчас выполнялась компьютером в автоматическом режиме. Но то, что должно было быть метеоритом, на деле оказалось настоящей, отполированной до блеска вазой из композитных материалов. Внутри вазы как ни в чем не бывало лежала довольно древняя, судя по виду, гранитная табличка с грубо выгравированными на ней текстами «Полного собрания правил Игры в Бисер» на трех языках: немецком, русском и английском. Я, да и большая часть команды были абсолютно уверены, что это прощальная шутка профессора

или кого-то из других весельчаков Москвы или Хьюстона, но, само собой, правду нам узнать так и не удалось. Согласно акту об исследовании экстропланетарных объектов, мы были вынуждены катапультировать и табличку и вазу в почтовом зонде к нашей марсианской базе, и наконец взять курс на Проксима Центавра

***

К моменту когда наш Мир оставил позади оба Вояджера, в сеансах связи все меньше и меньше был замечен почерк отдельных людей, в частности профессора, и все больше возникала необходимость в использовании методов МзКП. Но я точно и, наверное, навсегда запомнил последнее личное сообщение профессора, дошедшее до нас. Он говорил, что человек наделен не только удивительным даром сознания, но и реальной волей менять свое состояние. «Частица или волна? Некоторые из нас в редкие моменты жизни ненадолго становятся фотонами, рассекая темную пустоту быстрее всего, что только существует в видимой вселенной; другие, теряя заряд, стремятся стать черными дырами, поглощающими все вокруг; но за пределами этих погрешностей мы, люди – это просто звездный ветер, бесконечно идущий за улетающим вдаль светом. Зато, и я знаю это наверняка, каждому, кто закроет глаза и отключится от привычных чувств, может повезти преодолеть скорость света и выйти за пределы принципа относительности. Именно в этот вневременной момент, тахионы нашего воображения смогут дотронуться до чего-то

невыразимого». За миг до конца сообщения, я почувствовал прикосновение. И я точно знал, что прикоснулся в ответ.